

Слова-сигналы нигилизма и «Обрыв» И. А. Гончарова

К. Ю. Зубков

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

Аннотация. Рассматривается набор слов-сигналов, использовавшихся для обсуждения деятельности «нигилистов» в русской литературе и публицистике 1860-х гг., в том числе отдельные абстрактные понятия, распространенные метафоры, научные термины. Автор демонстрирует, как И. А. Гончаров использовал этот набор слов в своем романе «Обрыв». Воздерживаясь от прямого обсуждения идей нигилистов, автор «Обрыва», тем не менее, воспроизводит споры о нигилизме на языковом уровне. Такое использование слов-сигналов нигилизма свидетельствует о тесной связи между фикциональной прозой и журнальной полемикой этого периода: отдельные выражения постоянно кочуют между жанрами. В качестве материала привлекаются многочисленные повести и романы о нигилистах этого периода, а также литературно-критические и публицистические статьи, особенно произведения Д. И. Писарева, чьи статьи Гончаров внимательно читал в качестве цензора.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, история литературы, история романа, нигилизм, литературная полемика, антинигилистический роман.

УДК 821.161.1; 82-31

DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-25-39

Зубков К. Ю. Слова-сигналы нигилизма и «Обрыв» И. А. Гончарова // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 25–39.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2018. № 2
© К. Ю. Зубков, 2018

Контактная информация: Зубков Кирилл Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия), младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН (наб. Макарова, 4, Санкт-Петербург, 199034, Россия, k_zubkov@inbox.ru)

Тезис о тесной связи русской литературы 1860-х гг. и журнальной и газетной полемики на общественно значимые темы давно стал общим местом в историко-литературных исследованиях. В большинстве случаев, однако, это совершенно справедливое утверждение сводится к тому, что произведения некоторых литераторов характеризуются как политически ангажированные и связанные с убеждениями писателя или программой той или иной литературной «партии». Мы попытаемся показать, что даже авторы, стремившиеся избегать прямых высказываний по злободневным вопросам, не могли не испытывать сильного влияния журнальной полемики, которая определяла использование отдельных слов и выражений: сам язык русской прозы этого периода во многом определялся выражениями, употребляемыми в спорах популярных публицистов. Определяя эти выражения как «слова-сигналы», мы пользуемся выражением, употребленным для анализа языка русской поэзии начала XIX в. в классических работах Г. А. Гуковского и Л. Я. Гинзбург, чтобы указать на маркированность, повышенную семиотичность и политическую значимость, которую вполне нейтральные выражения могут приобретать в специфических контекстах.

В качестве материала будет рассматриваться роман И. А. Гончарова «Обрыв» (1869), некоторые ключевые эпизоды которого мы прочитаем на фоне споров о нигилизме. Мы обратимся как к журнальным статьям и заметкам разных авторов, так и к литературным произведениям, с которыми мог быть знаком автор «Обрыва». Наиболее пристальное внимание будет уделено выступлениям Д. И. Писарева на страницах «Русского слова», которые Гончаров обязан был знать как цензор¹. Поскольку нашей целью является анализ полемического дискурса 1860-х гг., а не индивидуальных позиций отдельных авторов, мы будем цитировать фрагменты из речи нарратора и героев фикциональной прозы этого периода наравне с публицистическими текстами: интерес представляет не то, насколько приведенные фрагменты выражают авторскую позицию, а то, как соответствующие темы и проблемы могли употребляться в актуальной полемике.

¹ О влиянии цензорской деятельности Гончарова на замысел «Обрыва» см. [Гуськов, 2015].

Уже современники писателя обратили внимание на то, что Гончаров сознательно отказался от изображения общественной проблематики и философских воззрений «нигилистов»². Однако сама манера выражаться Волохова, несомненно, отсылает к многочисленным сочинениям о «новых людях». Огромное значение для характеристики героя имеет его речь. Гончаров, принципиальный противник присущей романам о «нигилистах» публицистичности, многочисленных идеологических споров на злободневные темы, тем не менее в уста своего героя множество слов и выражений, воспринимавшихся современниками как сигналы, свидетельствующие о близости убеждений героя к «новым людям». Именно по этой причине критики, рецензировавшие «Обрыв», практически единогласно определили его как роман о нигилистах: сам язык, которым написано произведение Гончарова, очень типичен для публикаций на эту тему.

Проблема «слов» и их соответствия «делам» была очень значима для романов о «новых людях»: обе стороны полемики о них обращали друг другу многочисленные обвинения в несоответствии слов делу (см., например: [Старыгина, 2003, 158–180]). «Слово и дело» (1863) назвал свою пьесу Ф. Н. Устрялов, изобразивший несоответствие идей нигилизма поступкам его представителей. «Деятельное и щедрое участие» барина и «слова, одни слова недоучившегося студента» противопоставил Маркевич в романе «Типы прошлого» (1867) [Маркевич, 1867, с. 157]³. Сами «новые люди», такие как И. В. Оммулевский, автор романа «Шаг за шагом» (1870), обвиняли своих оппонентов в неспособности вести себя в соответствии со своими словами: «...дети именно только тогда и теряют уважение к старшим, когда начинают беспрестанно наталкиваться в них на противоречия между словом и делом, между их праздничным и будничным видом...» [Оммулевский, 1983, с. 201]. В неспособности посочувствовать молодежи, стремящейся преодолеть противоречие «между словом и делом», Писарев упрекал самого Гончарова в статье «Писемский, Тургенев и Гончаров» (1861): «Потихоньку вести свои дела, заводить связи и поддерживать их из чистого расчета, заниматься таким делом, к которому не лежит сердце и которого не оправдывает ум, оставлять под спудом в практике те идеи, которые исповедуешь в теории, смотреть с скептической улыбкою на порывы молодежи, стремящейся обратить слово в дело, – все эти вещи можно назвать благоразумием, лишь бы они не представлялись в полной наготе, без прикрас и смягчений» [Писарев, 2001, с. 241].

Спор о «словах» и «делах» воспроизведен в «Обрыве». Вера, например, возражает Волохову, утверждая, что ее позиция не заимствована из «книг», вероятно, в противовес убеждениям самого Волохова: «У меня оружие

² Именно в неспособности хоть сколько-нибудь последовательно описать «теорию» Волохова упрекал Гончарова, например, М. Е. Салтыков-Щедрин в известной статье «Уличная философия».

³ См. о параллелях этого произведения и «Обрыва» [Альтшуллер, 1994].

слабо – и только имеет ту цену, что оно мое собственное, что я взяла его в моей тихой жизни, а не из книг, не понаслышке» [Гончаров, 2004, с. 610]. Как и многие другие писатели, выступавшие против «новых людей», Гончаров противопоставляет своему «нигилисту» именно человека дела – Тушина. Само по себе подобное противопоставление встречалось и в более ранних произведениях о «новых людях», например, в «Овцебыке» Н. С. Лескова (1863) (см. [Базанов, 1941, с. 156–159])⁴.

Чаще всего манера речи Волохова напоминает стиль статей Писарева – наиболее хорошо известного Гончарову «нигилиста». Однако часты в его словах и параллели с другими писателями и публицистами 1860-х гг. Рассмотрим на нескольких примерах то, какую роль играют в характеристике героев отдельные слова и выражения. Наиболее заметным «знаком» носителя новых идей является, конечно, упоминание Прудона [Гончаров, 2004, с. 519]. Имя этого французского утопического социалиста использовалось для характеристики «новых людей» постоянно, причем как в их собственных сочинениях, так и в произведениях их оппонентов. В романе Лескова «Некуда» (1864) анекдотическая нигилистка Бертольди при первом знакомстве восклицает: «Я теперь работаю над Прудоном. Он часто заводится, и над ним надо работать да работать, а то сейчас загородит вздор. Вы знакомы с Прудоном?» [Лесков, 1997, с. 409]. Не менее иронично относиться к этому и Н. Д. Ахшарумов, в романе которого «Мудреное дело» (1864) на главного героя после неосторожного высказывания набрасываются с вопросом: «Вы держитесь мнения Прудона о женщинах?..» [Ахшарумов, 1895, с. 12]. Чтение Прудона школьником упомянуто в романе Шеллера-Михайлова «Жизнь Шупова, его родных и знакомых» (1865), причем трактуется оно как вполне достойное молодого человека занятие [Шеллер-Михайлов, 1904, т. 2, с. 180].

В «Обрыве» в довольно своеобразном контексте употребляется понятие «организм», знаковое для «новых людей». По утверждению рассказчика, Волохов, «во имя истины, развенчал человека в один животный организм, отнявши у него другую, не животную сторону. В чувствах видел только ряд кратковременных встреч и грубых наслаждений, обнажая их даже от всяких иллюзий, составляющих роскошь человека, в которой отказано животному» [Гончаров, 2004, с. 659]. Судя по всему, речь идет о распространенных в среде «новых людей» естественнонаучных интересах и вере в способность физики, биологии и прочих опытных наук полностью объяснить окружающий мир. Райский тоже в сочувственных тонах описывает «организм» как ту сторону человеческого бытия, которая связана с телесной страстью: «Возвышенная любовь – это мундир, в который хотят наряжать страсть, но она беспрестанно лезет вон и рвет его. Природа вложила

⁴ Впрочем, сам образ делового человека вообще относится к типичным для творчества Гончарова – здесь можно вспомнить и Петра Адуева, и Штольца.

только страсть в живые организмы, другого она ничего не дает» [Гончаров, 2004, с. 417]. Райский пытается перевести на «естественнонаучный» язык даже художественное творчество, что, впрочем, приводит к комическим результатам: «Но ведь иной недогадливый читатель подумает, что я сам такой, и только такой! – сказал он, перебирая свои тетради, – он не сообразит, что это не я, не Карп, не Сидор, а тип; что в организме художника совмещаются многие эпохи, многие разнородные лица... Что я стану делать с ними? Куда дену еще десять, двадцать типов?..» [Там же, с. 445]. Смешивая романтическую и позитивистскую фразеологию, Райский создает абсурдный образ художника, в самом организме которого соединены разные люди. Само по себе, слово «организм» встречалось у Гончарова и ранее, однако всегда означало лишь одну сторону человеческого бытия. Например, в характеристике Штольца в «Обломове» «организм» противопоставлен «нравственным отправлениям жизни»: «Как в организме нет у него ничего лишнего, так и в нравственных отправлениях своей жизни он искал равновесия практических сторон с тонкими потребностями духа» [Гончаров, 2000, с. 161].

Тот факт, что некоторые герои «Обрыва» сводят все человеческое существование к жизни «организма», отсылает к идеям «новых людей». Слова Райского, трактующего деятельность художника как жизнь «организма», выглядят отсылкой к статье Писарева «Цветы невинного юмора» (1864): «...если в самом деле есть такие человеческие организмы, для которых легче и удобнее выражать свои мысли в образах, если в романе или в поэме они умеют выразить новую идею, которую они не сумели бы развить с надлежащею полнотою и ясностью в теоретической статье, тогда пусть делают так, как им удобнее; критика сумеет отыскать, а общество сумеет принять и оценить плодотворную идею, в какой бы форме она ни была выражена» [Писарев, 2002, с. 353]. К схожим выводам пришел Писарев и в статье «Пушкин и Белинский» (1867): «...вся поэтическая деятельность всякого поэта зависит безусловно, во-первых, от его организма, то есть от склада его ума и характера, а во-вторых, – от того общества, в котором он живет. <...> В действительности роль *божественного глагола* могут играть в отношении к поэту только впечатления окружающей жизни» [Писарев, 2003, т. 7, с. 290–291]. Такие выражения встречались и в художественных произведениях шестидесятников, что не ускользнуло от внимания их оппонентов. Так, в статье «Четыре повести и один пономарь» Е. Ф. Зарин привел десятки цитат из сочинений Н. Ф. Бажина, где повествователь называет героев «организмами». Оканчивая перечисление бажинских героев, критик издевательски констатировал: «Ну, вот почти и все прикосновенные к делу организмы» [Зарин, 1865, с. 368].

Для создания образа «нового человека» у Гончарова используются и другие выражения, тесно связанные с темой «нового человека». Недовольный своим пребыванием в провинциальном городке, Волохов воскли-

цает: «...я останусь еще в этом болоте, не знаю сколько времени, буду тратить силы вот тут...» [Гончаров, 2004, с. 609]. Основанный на схожей метафоре образ Марк использует чуть позже: «Ваши корни подгнили давно, Вера!» [Там же, с. 610]. Как и в случае со словом «организм», здесь герой употребляет выражение из лексикона писателя. В «Обломове», например, «болотом» трижды называется жизнь главного героя на Выборгской стороне [Гончаров, 2000, с. 353, 390, 482]. Однако здесь это понятие переосмыслено: ни в одном раннем произведении Гончарова «болотом» не именуется провинциальная жизнь, текущая в соответствии с традиционными нормами. Волохов, очевидно, выражается словами, характерными именно для «нигилиста». А. К. Шеллер-Михайлов, например, создал роман «Гнилые болота» (1863), где образ топи постоянно повторяется и используется приблизительно в том же значении, что и в словах гончаровского героя. Так, один из героев романа, прогрессивный учитель, внушающий своим ученикам либеральные идеи, говорит: «Ваше дело начато посреди болота, поганые лягушки, тотчас же по вашему удалении из школы, затащат в свое болото второклассников. Сочувствующих делу только одна треть учителей, а две трети состоят из лягушек...» [Шеллер-Михайлов, 1904, т. 1, с. 202]. По отношению к глухой провинциальной жизни употребляет это слово повествователь незаконченного романа Н. А. Благовещенского «Перед рассветом» (1865): «...Трепетов, вместе с прочими обитателями погоста, искал развлечения и тоже радовался всякому скандалу, который мог бы взволновать это болото» [Благовещенский, 1873, с. 167]. Салтыков-Щедрин в своем отзыве так определил смысл, который автор вкладывал в это название: «Гнилые болота – термин иносказательный: это жизнь в тех ее формах, которые завещаны нам историей, это сплетение всякого рода обрядностей, хотя и утративших живой смысл, но имеющих за собою внешнюю, грубую силу и потому безапелляционно подавляющих в человеке всякое движение в смысле самостоятельности и независимости» [Салтыков-Щедрин, 1970, с. 261]. Хотя Щедрин и не одобрял сочинений Шеллера-Михайлова, смысл, вложенный тем в понятие «болото», явно не вызвал у критика недовольства. Пристрастие «нигилистов» к этому слову подметил, например, Н. Д. Ахшарумов, вложивший в уста эмансипированной героини романа «Мудреное дело» следующее восклицание: «Не говорите мне, ради Бога, про ваше скромное дело жизни! Я этого слушать не могу! Это фразы! Какое там дело? Не дело, а полный застой, – тина, плесень, гнилое болото, которое доброго слова не стоит!» [Ахшарумов, 1895, с. 161]. «Болотом» называет русскую семейную жизнь даже игумена – один из наиболее положительных персонажей романа Лескова «Некуда»: «Семью нужно переделать, так и училища переделаются. А то, что институты! У нас что ни семья, то ад, дрянь, болото. В институтах воспитывают плохо, а в семьях еще несравненно хуже» [Лесков, 1997, с. 22].

Даже те слова Волохова, которые кажутся открытым выражением авторской тенденции, могут оказаться отсылками к реальным высказываниям тех или иных «нигилистов». Рассказчик в «Обрыве» рассуждает о чувствах Волохова к Вере: «Он сравнивал ее с другими, особенно “новыми” женщинами, из которых многие так любовно поддавались жизни по новому учению, как Марина своим любвям, – и находил, что это – жалкие, пошлые и еще более падшие создания, нежели все другие падшие женщины, уступавшие воображению, темпераменту, и даже золоту, а те будто бы принципу, которого часто не понимали, в котором не убедились, поверив на слово, следовательно, уступали чему-нибудь другому, чему простоудушно уступала, например, жена Козлова, только лицемерно или тупо прикрывали это принципом!» [Гончаров, 2004, с. 617]. Наиболее яркие сторонники эмансипации 1860-х гг., такие как Писарев, отзывались о подобных «новых женщинах» не менее жестко, чем герой Гончарова. Достаточно привести фрагмент из статьи «Кукольная трагедия с букетом гражданской скорби» (1864): «...когда женщина отдается мужчине без условий, тогда она обыкновенно увлекается любовью к этому мужчине, а не эмансипацию. Если же женщина отдается мужчине во имя идеи и по теории, то мне кажется, что такая женщина дура набитая, глупее всякой Кукшиной, а дура, конечно, никакая эмансипация не может пойти впрок. <...> А что может избавить будущие поколения женщин от подобных пошлостей? Мне кажется, ответ на этот вопрос может быть только один: широкое развитие умственных способностей и экономическая самостоятельность, то есть именно эмансипация женщины, проведенная в ее воспитание и в сферу женского труда» [Писарев, 2003, т. 6, с. 182–183]. Очевидно, «новая мораль» и для гончаровского Волохова, и для Писарева – скорее право свободно следовать своему чувству, чем теория, предписывающая «отдаваться мужчине».

Вероятно, Гончаров также опирался на высказывания Писарева, вкладывая в уста Веры обращенные к Волохову слова: «Вы не поймете зачем, потому что не допускаете долга... А я давно в долгу перед ней...» [Гончаров, 2004, с. 608]. Согласно статье Писарева «Реалисты» (1864), «новый человек» действительно «делает только то, чего ему хочется, или, другими словами, остается самим собою во всякую данную минуту и не насилует себя ни из угождения к окружающему обществу, ни из благоговения перед призраком нравственного долга» [Писарев, 2003, т. 6, с. 219]. Рассмотрим другой пример. В споре с Верой Волохов настаивает, что подруга его жизни должна быть равным ему «товарищем» в «деле»:

– <...> Прощайте, Вера, мы ошиблись: мне надо не ученицу, а товарища...

– Да, Марк, товарища, – пылко возразила она, – такого же сильного, как вы, равного вам, – да, не ученицу, согласна, – но товарища на всю жизнь! [Гончаров, 2004, с. 529].

В статье «Реалисты» Писарев высказывал схожие требования: «Такой брак, который увеличивает силу и энергию работника, называется, на языке реалиста, полезным, благоразумным и счастливым. Такой брак, который уменьшает или извращает рабочую силу, называется вредным, безрассудным и несчастным. Для прочной связи между мужчиною и женщиною необходим, по мнению реалиста, общий труд. Мужчина должен трудиться, и женщина также должна трудиться» [Писарев, 2003, т. 6, с. 299].

Исследователи отмечают, что в «Обрыве» роль символических образов повышается по сравнению с другими романами Гончарова, однако приемы введения этих образов в повествование во многом остаются прежними (см. [Пруцков, 1962, с. 223]). Особенно активно в «Обрыве» используется анималистическая образность, по крайней мере, в романе речь идет именно о подмене человеческого животным (см. [Гродецкая, 2015]). При этом многие из символических образов в «Обрыве» используются в тех же значениях, что и в романах о «новых людях». Очень часто сами «нигилисты» сопоставляются в этих романах с хищными животными (см., например, [Базанов, 1941, 52–53]). В романе Лескова «Некуда» носителей новых идей называют волками старообрядцы – носители традиционного сознания, речь которых во многом строится на народно-поэтических образах: «Молкососов-то не одобряешь, а сам такой же, только потаенный. Потаенный, – пошутил он, тряся руку молодому медику. – Волки, все вы волки, отличные господа перед Господом. А ты, новый барин, древности тоже сопротивник?» [Лесков, 1997, с. 326]. В романе Ключникова «Марево» (1864) глава, посвященная изображению старого польского графа, тайного покровителя «нигилистов», называется «Травленный волк». Самого себя сравнивает с волком нигилист Благомыслов, персонаж романа Авдеева «Меж двух огней» (1868) [Авдеев, 1869, с. 355]. Наконец, в романе Маркевича «Бездна» (1883–1884), последнем из произведений писателя, фамилию Волк носит один из нигилистов. Другие животные привлекаются для сопоставления с нигилистами и в других произведениях. Так, «нигилист» в повести Авенариуса «Поветрие» (1867) носит «говорящую» фамилию Змеин.

Подобные сопоставления опираются на разнообразные и, чаще всего, легко реконструируемые источники. Во-первых, это характерные особенности антропологической концепции многих русских шестидесятников, основанной на биологии того времени. В публицистике «новых людей» человеческое существо часто описывалось в качестве обыкновенного животного. В статье «Кукольная трагедия с букетом гражданской скорби» Писарев применял этот метод даже к разграничению рас: «...человек кавказской расы есть самое понятливое из всех существующих позвоночных животных» [Писарев, 2003, т. 6, с. 216]. Скандал вызвали аналогичные рассуждения В. А. Зайцева, которые были восприняты современниками

как выступление против аболиционизма⁵. Многие романисты прямо указывали на эту особенность антропологической концепции «новых людей». Уже тургеневский Базаров говорит: «...мы с тобой те же лягушки, только на ногах ходим...» [Тургенев, 1981, с. 21–22]. А. Ф. Писемский вложил в уста одного из героев романа «В водовороте» (1871) утверждение, что человек, «что бы там ни говорили, прежде всего *животное*» [Писемский, 1959, с. 14]. В том же романе некоторые герои постоянно сопоставляются с тем или иным животным. Парадоксально, что именно «новые люди» в число таких подобных животным людей не включаются, что указывает, с одной стороны, на возвышенность их личных качеств, а с другой – на неправоту их убеждений. Во-вторых, источником анималистических сравнений служит фольклорная речь (в первую очередь это относится к роману «Некуда», см. выше). Лесковское сравнение воспроизвел, возможно осознанно, Д. Л. Мордовцев, автор романа «Знаменья времени» (1869), где о молодом старообрядце, интересующемся современными социальными идеями, старые купцы говорят: «...когда он таперича говорит с тобой да душу твою руками переминает, так это у него из глаз точно змея выглядывает...» [Мордовцев, 1957, с. 45].

Не менее значимы для романа Гончарова символические образы страсти. Связь между темой страсти и образом грозы в романе Гончарова создается последовательно – достаточно вспомнить описание порыва страсти, охватившего Веру: «Перед ней будто сверкнула молния. И она бросилась к нему и положила ему руку на плечо» [Гончаров, 2004, с. 614] (см. также: [Гейро, 2000, с. 162–163]). Тушин говорит о пережившей падение Вере: «Она будет моей царицей и укроется в моих лесах, под моей защитой, от всяких гроз и забудет всякие обрывы...» [Гончаров, 2004, с. 747]. Схожие образы роковой страсти постоянно встречаются в романах о «новых людях», обозначая именно угрозу, исходящую от «нигилиста». Героиня романа Маркевича «Типы прошлого», например, говорит: «Помимо воли, помимо самой себя, отдалась я внезапному порыву: он охватил меня быстрее и неожиданнее, чем гроза, ударяющая в соломенную крышу» [Маркевич, 1967, с. 229]. В романе Клюшниковой «Марево» грозой сопровождается обольщение героини одним из носителей новых идей:

Молния кинула красным светом в лицо Бронского и сверкнула в черных глазах.

– Владя! я боюсь тебя.

– Ничего, это гроза... Я нервен. Слушай, скоро, может быть, я стану изгнанником, голова моя будет оценена... Тебе ведь это все равно? [Клюшников, 1865, с. 209].

⁵ См. рец. Зайцева «Катрфаж. Единство рода человеческого» и его же ст. «Ответ моим обвинителям по поводу моего мнения о цветных племенах» (обе – 1864) и «Гг. Постороннему и всяким прочим сатирикам» (1865).

В схожем значении употребляется это слово в романе Авдеева «Меж двух огней», однако иррациональная сила страсти, ассоциирующаяся с грозой, как раз противостоит убеждениям нигилистки: «А дело в том, что в ней самой собиралась и чуялась ей гроза, что в ней кипела молодая кровь, скоплялись, как электричество в воздухе, те томящие и волнующие силы, которые гнетут, как летний зной, и вся она, замирая, ждала, когда блеснет огненная искра, и по всей по ней, потрясенной и счастливой, пронесется благодетельная или гибельная буря» [Авдеев, 1869, с. 454]. В том же романе «гроза» отождествляется с историческими потрясениями. Один из героев цитирует строки К. Ф. Рылеева: «Кому завистливой судьбою / В сей жизни бури суждены, / Тот стой один перед грозою, / Не призывай к себе жены!» [Авдеев, 1869, с. 440], – после чего начинается пространное обсуждение «гроз» в жизни героев.

Многочисленные параллели в сочинениях о «новых людях» обнаруживаются и для заглавного образа романа Гончарова: «Образ-метафора “обрыв” один из самых постоянных в метафорическом плане антинигилистических романов» [Старыгина, 2003, с. 288]. Л. С. Гейро усматривает в образе «обрыва» символическое значение, связанное с разрывом исторической традиции (см.: [Гейро, 2000, с. 89]; ср.: [Мельник, 1991, с. 14; Lyngstad A., Lyngstad S., 1971, p. 142–143]). Одновременно «обрыв» обозначает и «пропасть», «бездну», гибельную для пытающихся заглянуть в нее и отождествляющуюся с тяжким грехом и самой смертью, и непреодолимый разрыв между разными людьми (см. [Гейро, 2000, с. 152]; ср. [Калинина, 2012]). Этот значимый для романа символ опирается на мотивы, уже встречавшиеся ранее в творчестве Гончарова. Неоднозначный образ «бездны» возникал уже в «Обломове» (см.: [Отрадин, 1994, с. 141]).

Схожие образы «бездны», «пропасти», «обрыва» встречаются и в романах о «новых людях» 1860-х гг. Так, о «пропасти», разделяющей людей разных убеждений, писал Шеллер-Михайлов в романе «Господа Обносковы» (1868): «Обе женщины жили вместе, но между ними уже с первой стычки лежала целая пропасть, через которую не могла перешагнуть ни та, ни другая» [Шеллер-Михайлов, 1904, т. 3, с. 107]. В схожем значении употребляется это слово и в повести Мечникова «Смелый шаг» (1863): «Целое поколение людей могло бы уместиться в пропасти, разделявшей их, и все еще не образовался бы мостик. Богдан был моложе только годами десятью, а между тем эти люди принадлежали к двум совершенно различным мировым возрастам, к совершенно разным формациям общественного грунта» [Мечников, 1863, с. 12]⁶. О бездне как символе греха, «падения» женщины писал Маркевич, главная героиня романа которого «Типы прошлого» упрекает соблазителя: «...каким адским обманом довели вы меня до этой пропасти! <...> Вы эту бездну отплатили мне... за мое заступ-

⁶ См. отзыв о повести Гончарова-цензора [Гончаров, 2014, с. 84–86].

ничество...» [Маркевич, 1867, с. 230]. У большинства предшественников Гончарова образ «бездны» использован, чтобы определить исключительно частные, личные отношения между «новыми людьми» и сторонниками традиционного образа жизни. В «Обрыве», как неоднократно отмечалось исследователями, этот образ употреблен в более широком значении. «Обрыв» во многом вписывается в развитие русского романа 1870–1880-х гг., где масштаб зловещей «бездны» растет до общенационального уровня, как, например, в романе Ф. М. Достоевского «Бесы».

Таким образом, в русской прозе и журнальных статьях 1860-х гг. сформировался своеобразный дискурс, с использованием которого принято было говорить о нигилизме. Этот дискурс включал и максимально абстрактные понятия («слова», «дела» и др.), и переосмысленные термины («организм»), и символические или метафорические выражения («гроза», «обрыв»). Он не был призван передать конкретную политическую позицию (им пользовались и сами «нигилисты», и их оппоненты), однако задавал определенные рамки восприятия общественных процессов. Например, невозможно было говорить о «нигилизме» и не рассуждать о принципиальном разрыве между прошлым и настоящим, словом и делом и проч. Гончаров, противник прямого участия писателя в политических спорах, активно пользовался этим дискурсом, создавая образ Волохова. В то же время писатель пытался интегрировать его элементы в собственный стиль. В этом смысле «Обрыв» можно рассматривать и как знак неспособности писателя 1860-х гг. работать вне рамок, заданных ситуацией активной журнальной полемики, и как свидетельство многочисленных возможностей, которые предоставляла романисту эта ситуация.

Список литературы

- Авдеев М. В.* Меж двух огней. СПб., 1869.
- Альтшуллер М.* Нигилист Кирилин в романе Болеслава Маркевича «Типы прошлого» и Марк Волохов И. А. Гончарова // Ivan A. Gončarov: Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der I. Internationalen Gončarov-Konferenz. Bamberg, 8.-10. Oktober 1991 / Hg. von Peter Thiergen. Koeln, 1994. S. 343–352.
- Ахшарумов Н. Д.* Мудреное дело: Очерк из летописей русской словесности: В 3 ч. СПб., 1895.
- Базанов В. Г.* Из литературной полемики 60-х годов. Петрозаводск, 1941.
- Благовещенский Н. А.* Повести и рассказы. СПб., 1873.
- Гейро Л. С.* «Сообразно времени и обстоятельствам...» (Творческая история романа «Обрыв») // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования / Отв. ред. С. А. Макашин, Т. Г. Динесман. М., 2000. С. 83–183. (Литературное наследство, т. 102)

Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2000. Т. 4; 2004. Т. 7; 2014. Т. 10.

Гродецкая А. Г. Бестиарный код нигилиста Марка Волохова в «Обрыве» // Пушкинские чтения – 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2015. С. 156–162.

Гуськов С. Н. Материалы цензорской деятельности Гончарова как творческий источник романа «Обрыв» // Гончаров после «Обломова»: Сб. ст. Материалы III Международной гончаровской конференции в Санкт-Петербурге. СПб.; Тверь, 2015. С. 26–39.

Зарин Е. Ф. <Подпись – Инкогнито.> Четыре повести и один пономарь // Отечественные записки. 1865. № 11. С. 355–382.

Калинина Н. В. Дантовы координаты романа «Обрыв» // Русская литература. 2012. № 2. С. 67–80.

Клюшников В. Марев. М., 1865. Ч. 1–2.

Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1997. Т. 4.

Маркевич Б. М. <Псевдоним – Лесницкий Б.> Типы прошлого. М., 1867.

Мельник В. И. Этический идеал И. А. Гончарова. Киев, 1991.

Мечников Л. И. <Подпись – Леон Бранди> Смелый шаг // Современник. 1863. № 11. Отд. I. С. 5–56.

Мордовцев Д. Л. Знаменья времени: Роман в двух частях. М., 1957.

Омулевский И. В. Шаг за шагом: Роман, рассказы. Иркутск, 1983.

Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб., 1994.

Писарев Д. И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 2001. Т. 3; 2002. Т. 5; 2003. Т. 6, 7.

Писемский А. Ф. Собр. соч.: В 9 т. М., 1959. Т. 6.

Пруцов Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1970. Т. 9.

Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М., 2003.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1981. Т. 7.

Шеллер-Михайлов А. К. Полн. собр. соч. 2-е изд. СПб., 1904–1905. Т. 1–16.

Lyngstad A., Lyngstad S. Ivan Goncharov. N. Y., 1971.

Article metadata

Title: “Words-signals” of Nihilism and “The Precipice” by I. A. Goncharov

Author: K. Yu. Zubkov

Author's e-mail: k_zubkov@inbox.ru

Author's affiliation: St. Petersburg State University, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The idea of the close connection of Russian literature of the 1860s and journalistic and newspaper polemics on socially significant topics has long been a common place in historical and literary studies. In most cases, however, this statement, although fair, boils down to the fact that the works of some writers are characterized as politically biased and connected with the writer's beliefs or the program of a literary "party". In the article, I argue that even writers who tried to avoid direct statements on political issues could not help but feel the strong influence of the journalistic polemics that determined the use of separate words and expressions: the very language of Russian prose of this period was largely influenced by the expressions used in popular articles, published in 'thick' journals.

I analyze a very specific discourse, which was formed in Russian prose and journal articles of the 1860s and used to discuss nihilism. This discourse included maximally abstract concepts ("words", "deeds", etc.), and reinterpreted scientific terms ("organism"), as well as symbolic or metaphorical expressions ("thunderstorm", "precipice"). It was not intended to convey a specific political position (it was used both by the "nihilists" themselves and their opponents), but set certain limits to the perception of social processes: for example, it was impossible to talk about "nihilism" and not talk about a fundamental gap between the past and the present, in word and deed, and so on.

I will consider the novel "The Precipice" (1869) by I. A. Goncharov as a primary source. I'm going to read some of its key episodes against the background of disputes about nihilism. Although the nihilism is not the most important topic of Goncharov's novel, most contemporaries immediately identified the novel as 'antinihilistic'. Goncharov usually identified himself as a proponent of 'objective' art, but still could not avoid using elements of 'nihilistic' discourse in his work. Considering both journal articles and fictional works by various authors of 1860s I pay close attention to the works by D. I. Pisarev, published on the pages of the journal "Russian word", which Goncharov as a censor had to know. Since my goal is to analyze the polemical discourse of the 1860s, rather than the personal positions of individual authors, I use fragments from the speech of the narrator and the heroes of fictional prose of this period along with the journalistic texts: the interest is not how much the quoted fragments express the author's position, but how relevant topics and problems could be used in actual polemics.

Key terms: I. A. Goncharov, history of literature, history of novel, nihilism, literary polemics, antinihilistic novel.

Reference literature (in transliteration):

Aksharumov N. D. Mudryonoe delo: Ocherk iz letopisey russkoy slovesnosti. In 3 pt. St. Petersburg, 1895. (in Russ.)

Altschuller M. Nigilist Kirilin v romane Boleslava Markevicha «Tipy proshlogo» i Mark Volokhon I. A. Goncharova. *Ivan A. Gončarov: Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der I. Internationalen Gončarov-Konferenz*. Bamberg, 8.-10. Oktober 1991. Hg. von Peter Thiergen. Koeln, 1994, S. 343–352. (in Russ.)

Avdeev M. V. *Mezh dvukh ogney*. St. Petersburg, 1869. (in Russ.)

Bazanov V. G. *Iz literaturnoy polemiki 60-kh godov*. Petrozavodsk, 1941. (in Russ.)

Blagoveshchenskiy N. A. *Povesti i rasskazy*. St. Petersburg, 1873. (in Russ.)

Geiro L. S. “Soobrazno vremeni i obstoyatelstvam...” (Tvorcheskaya istoriya romana “Obryv”). In: I. A. Goncharov. *Novye materialy i issledovaniya*. Eds. S. A. Makashin, T. G. Dinesman. Moscow, 2000, p. 83–183. (Series: Literaturnoe nasledstvo, vol. 102) (in Russ.)

Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*. In 20 vols. St. Petersburg, 2000, vol. 4; 2004, vol. 7; 2014, vol. 10. (in Russ.)

Gorodetskaya A. G. Bestiarny rod nigilista Marka Volokhova v “Obryve”. *Pushkinskie chteniya – 2015. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy literatury: zhanr, avtor, tekst. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, 2015, p. 156–162. (in Russ.)

Guskov S. N. Materialy tsenzorskoy deyatel'nosti Goncharova kak tvorcheskiy istochnik romana “Obryv”. Goncharov posle “Obryva”. *Materialy III Mezhdunarodnoy goncharovskoy konferentsii v Sankt-Peterburge*. St. Petersburg, Tver, 2015, p. 26–39. (in Russ.)

Kalinina N. V. Dantovy koordinaty romana “Obryv”. *Russkaya literatura*, 2012, no. 2, p. 67–80. (in Russ.)

Klyushnikov V. *Marevo*. Moscow, 1865, pts. 1–2. (in Russ.)

Leskov N. S. *Polnoe sobranie sochineniy*. In 30 vols. Moscow, 1997, vol. 4. (in Russ.)

Lyngstad A., Lyngstad S. *Ivan Goncharov*. New York, 1971.

Markevich B. M. <Lesnitskiy B.> *Tipy proshlogo*. Moscow, 1867. (in Russ.)

Mechnikov L. I. <Leon Brandi> *Smelyi shag. Sovremennik*, 1863, no. 11, pt. I, p. 5–56. (in Russ.)

Melnik V. I. *Eticheskiy ideal I. A. Goncharova*. Kiev, 1991. (in Russ.)

Mordovtsev D. L. *Znamenita vremeni. Roman*. In 2 pts. Moscow, 1957. (in Russ.)

Omulevskiy I. V. *Shag za shagom. Roman, rasskazy*. Irkutsk, 1983. (in Russ.)

Otradin M. V. *Proza I. A. Goncharova v literaturnom kontekste*. St. Petersburg, 1994. (in Russ.)

Pisarev D. I. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*. In 12 vols. Moscow, 2001, vol. 3; 2002, vol. 5; 2003, vol. 6, 7. (in Russ.)

Pisemskiy A. F. *Sobranie sochineniy*. In 9 vols. Moscow, 1959, vol. 6. (in Russ.)

Prutskov N. I. *Masterstvo Goncharova-romanista*. Moscow, Leningrad, 1962. (in Russ.)

Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy*. In 20 vols. Moscow, 1970, vol. 9. (in Russ.)

Sheller-Mikhailov A. K. *Polnoe sobranie sochineniy*. 2nd ed. St. Petersburg, 1904–1905, vol. 1–16. (in Russ.)

Starygina N. N. *Russkiy roman v situatsii filosofsko-religioznoy polemiki 1860–1870-kh godov*. Moscow, 2003. (in Russ.)

Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*. In 30 vols. Moscow, 1981, vol. 7. (in Russ.)

Zarin E. F. <Inkognito> *Chetyre povesti i odin ponomar. Otechestvennye zapiski*, 1865, no. 11, p. 355–382. (in Russ.)